

НЕЛЬЗЯ БЫТЬ РАВНОДУШНЫМ

Пьеса Р. Шервуда на сцене вашингтонского театра

Эфиопии, а аннексия Австрии и Мюнхен были еще впереди.

Шервуд не предугадал с исторической точностью, как развернутся события, — у него войну начинают итальянские фашисты, которые бомбят Париж. Но он не ошибся в главном. Войну начали фашисты, а те, кто их «не замечал», кто был преступно равнодушен, хотел «уйти в сторону», кто не боролся против опасности войны, не служил тем, кто бил в тревожный набат, причастны к этой трагедии и в какой-то мере ответственные за нее. Одни это поняли потом и примкнули к борцам против фашизма, другие тоже поняли, но поздно, расплатившись своей жизнью.

В первом акте обитатели отеля стараются не замечать ни фашистского капитана Лосисеро, ни итальянских военных летчиков, забигающих сюда перехватывать потоки виски, с близлежащей военной базы Фашистские возлагали, приветствия, шутки — все это жильцы отеля стараются не слышать. Для них это просто «дурной тон». Их это не касается. Американец Гарри от нечего делать даже не прочь развлечь фашистского капитана и летчиков канка-

ном своей группы. До этой компании не доходят изволнованные слова французского коммуниста Огюста, его обвинения в адрес фашизма. И даже на следующий день, когда начинается война, все они стараются жить, как прежде. Ведь воюют-то не их страны, а Франция с Италией. А когда Огюст со слезами в голосе спрашивает «Как вы можете так поступать, когда гибнут люди, совершаются преступления» — Гарри и англичанин только пожимают плечами. Но вот Огюст бросает смелые слова презрения и гнева в лицо фашистам. Его уводят на расстрел. Последние его слова, обращенные к англичанину. Мы должны были быть вместе, все вместе против фашистов...

Постановщик пьесы Эдвард Корнелл отказывается от внешних эффектов. Его приемы лаконичны — шум моторов самолетов и гул падающих бомб — вот и все, что происходит на пределах сцены. Но напряжение действия нарастает. Равнодушных уже нет. И не зря погиб Огюст. Если кто-то из постояльцев ретируется, чуть ли не целую руку капитану, который выпускает их за границу, то даже глубенная и недалекая миссис Черри, которую еще вчера ничто не интересовало,

кроме горных лыж и медового месяца, повторяет в глаза капитану-фашисту слово в слово то, что сказал ему Огюст. Возвращается в отель на черную гибель Гарри. Он и Ирен нашли любовь, а любовь и война несовместимы, как жизнь и смерть. Роберт Пропкин, который прекрасно играет роль Гарри, не жалеет красок для своего героя, психологически оправдывает его поступки, прекрасно передает трансформацию Гарри от мелкого эгоистичного бизнесмена с повадками техасского ковбоя до трагической фигуры, осознающей цель своей жизни.

Писатель привлекла пьеса Шервуда, — рассказал мне после спектакля главный режиссер театра Дэвид Чамберс, — своей актуальностью и богатством характеров. Хотя пьеса написана 43 года назад, она и сегодня ставит проблему ответственности человека за его поступки, выбора гражданской позиции. Пьеса — антивоенная, она напоминает о страшной опасности, которая может обрушиться на нас, если не остановить силы войны.

С этим нельзя не согласиться. И, видимо, идея пьесы доходит до зрителей. Во всяком случае, в этот вечер премьеры под сводами «Арены стейдж» долго не смолкали аплодисменты.

Т. КОЛЕСНИЧЕНКО.
(Соб. корр. «Правды».)
г. Вашингтон, июнь.